

Анна Павловна Барыкова

Доброе дело

Анна Павловна Барыкова

Доброе дело

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2900555

Аннотация

«Старый барин читал новую книгу и злился. Под рыжеватыми с проседью усами, на бледных губах, змеилась циничная, ехидная улыбочка; лысый лоб покраснел; серые насмешливо-прищуренные глаза быстро бегали под золотыми очками; маленькие жирные руки, поросшие рыжим пухом, словно щипали и терзали книгу, переворачивая листы; все старчески-сгорбленное, расплывшееся тело нервно передергивалось в теплом атласном халате, нетерпеливо шевелясь на покойном кресле; одна только правая нога не принимала никакого участия в бессильном гневе хозяина, а лежала, как колода, в мягком плюсовом сапоге, на вышитой подушке...»

Содержание

I	4
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Анна Павловна Барыкова

Доброе дело

I

Старый барин читал новую книгу и злился. Под рыжеватыми с проседью усами, на бледных губах, змеилась циничная, ехидная улыбочка; лысый лоб покраснел; серые насмешливо-прищуренные глаза быстро бегали под золотыми очками; маленькие жирные руки, поросшие рыжим пухом, словно щипали и терзали книгу, переворачивая листы; все старчески-сгорбленное, расплывшееся тело нервно передергивалось в теплом атласном халате, нетерпеливо шевелясь на покойном кресле; одна только правая нога не принимала никакого участия в бессильном гневе хозяина, а лежала, как колода, в мягком плисовом сапоге, на вышитой подушке.

– Вишь, сыскался еще пророк, философ доморощенный, спаситель самозванный!.. – стиснув зубы, проворчал про себя старик и захлопнул книгу. – И что такое только нынче пишут?.. Разве это роман? – продолжал он мысленно кипятиться. – Это проповедь переряженная, воззвание какое-то: «Люди – братья!» Уж я бы тебя, голубчика, упек!.. Я бы задал тебе «людей – братьев»! Ах, ты!..

В комфортабельном барском кабинете раздалось крепкое

ругательство; книга полетела в угол, рассыпалась по листам, задела на лету этажерку красного дерева, со старинным фарфором; легонькая севрская чашечка, – столетняя красавица, – упала на пол вместе с растрепанной книгой и разбилась вдребезги; трость с серебряным набалдашником, стоявшая как часовой у вольтеровского кресла, тоже упала и загремела о паркет.

– Карловна!.. Карловна!.. Куда ее опять чорт унес?.. Мина Карловна! – хриплым голосом закричал старик и позвонил.

Все было тихо в соседних комнатах; на звонок и крик никто не явился.

Старик завозился на кресле, с трудом поднял трость, встал с мучительным усилием; непроизвольно ковыляя больной ногой, зашагал он к тому углу, где лежала разбитая чашка, постоял над ней, потом опять вернулся к колокольчику и еще раз отчаянно позвонил.

Со стены из золотой рамы глядел на него, словно насмехаясь над его бессильной злобой, его собственный портрет, написанный уже давно великим мастером.

«Что, брат?.. Сердит – да не силен?.. Сидел бы уж смирно, коли Бог убил...» – говорила ехидная улыбочка портрета.

Наконец порыжелая зеленая бархатная портьера поднялась, и в кабинет вплыла красноносая немка-экономка.

– Н-ну, чего там у вас еще случилось?.. Никогда нельзя свою чашку кофе выпить в покое!.. Это удивительно! – бойко и сердито заговорила она. – Вы ошибаетесь, Василь Сергеич!

Я не обязана с голоду помирать... с вашими капризами!

Роскошный бюст Мины Карловны гневно колыхался под шерстяной кирасой резкого, дерущего глаз лилового цвета, какой любят все красноносые немки; ее лицо, лоснящееся и потное, ясно показывало, что она только-что осушила «в покое» свой кофейник, не обращая ни малейшего внимания на звонки больного барина.

– Подними... прибери!.. Склеить нельзя ли? – пробурчал Василий Сергеич, показывая на осколки севрской чашки.

– Ach, Herr Je!.. Что это?.. Хорошая вещь, сколько лет жила, вы за нее платили столько денег. И вот ее нет!.. Ах, ах, ах! Как жаль! – причитала Мина Карловна, ползая по полу, потом приподнялась, совсем грозная, и передразнила барина: – Склеить?.. Это сам черт не может склеивать, Василь Сергеич! И это вы опять от злости, нарочно! Вы в нее эту книгу запускали, нарочно, как сумасшедший...

Она толкнула ногой растрепанную книгу.

– Карловна, брысь! – огрызнулся старик и постучал тростью.

– От вас дожدهшься, что вы еще со своей палкой драться будете! – прошипела Карловна и удалилась важно, как балаганная королева, но тотчас же вернулась, о чем-то вспомнив, и переменила тон:

– Ну, милый Василь Сергеич... Сегодня такой большой праздник... Не надо сердиться... Я пойду вечером к сестре Мальхен, у них Weihnachtsbaum... Разве вы ничего не по-

шлете... хоть маленький сюрприз... вашей крестнице?..

Немка наклонилась и поцеловала руку старика.

– Да!.. Ведь нынче сочельник! – вспомнил Василий Сергеевич, подошел к штучному нузатому бюро, отпер средний ящик и долго рылся в нем, открывая и закрывая футляры с старинными брильянтами, часами, табакерками и перстнями.

Мина Карловна все время следила за ним разгоревшимися, жадными глазами.

Наконец старик подал ей маленький футляр с бирюзовым колечком; заметив алчный взгляд немки, он быстро запер ящик и хрипло захохотал.

– Вот это отдай Лизе... А на остальное погоди глаза пялить... Протяну ноги, – тогда, пожалуй, грабь!.. Ограбишь, Карловна... Сестрице моей любезной и сынку ее, небось, ничего не оставишь? А?..

– Как вы всегда глупо шутите, Василь Сергеич! – обиделась Карловна и ушла недовольная. «Нарочно самую дрянь выбрал для Лизхэн, жадный старик!»

А Василий Сергеевич глядел вслед своей экономке и сожительнице и думал:

«Ограбит! Ноги остыть не успеют, она все ключи у меня, мертвого, из-под подушки вытащит и все, что получше, оберет... Глаза-то, глаза-то у подлой бабы, – как уголья загорелись... Ну, и сестрица Юлия Сергеевна тоже, небось, охулки на руку не положит... Тоже ведь ждет, не дождется...»

И в воображении старика живо и ярко нарисовалась картина: он (т. е. не он, а «покойный» Василий Сергеевич Изметьев) лежит холодный и страшный там, рядом, на старом дубовом столе; три свечи, покров золотой, гнусавый псаломщик, – все как следует («1-го разряда похороны мне закатят – подлые!..»), а здесь, в кабинете, хозяйничает сестрица-баронесса с идиотом-сыном; роются они и в бюро, и в старой шифоньерке, где билеты, и в шкафах с фамильным серебром, и в божничке, и в сундуках покойницы-жены, – всюду роются; а Карловна, вся красная и потная, с такими вот горящими, воровскими глазами, как сейчас, – мечется из угла в угол и у баронессы из-под носу ловко и смело тащит, тащит, что ни попало, все тащит... Ага!.. Вот ее поймали! Крик, шум, слезы, брань... Баронесса сцепилась с Карловной...

«Если бы можно было тогда встать, хоть на минуту, взглянуть на эту комедию, посмеяться над ними, поусыкать, потравить... А потом пугнуть хорошенько... Этакая досада, что нельзя... Он так их ненавидит и презирает, и они его презирают и ненавидят; подличают теперь, обманывают, руки лижут, а сами ждут его смерти, как вороны крови. Наказать бы их хотелось тогда... Именно тогда. Отомстить им за все, прогнать, надругаться вволю над их подлыми душами... Нет, они „наследники“, его „законные наследники“! Написать завещание им на смех, вырвать из жадных ртов лакомый кусок?.. Да кому, кому же завещать? Никого у него нет, никого и ничего он не любит, никому и ничему не верит. Прежде бы-

ли друзья... Как же? Конечно, были! Одни – за женой ухаживали, другие – деньги без отдачи занимали... Потом клубные приятели были... Аферисты разные посещали, предлагали „дела“... Теперь – никого. Прожить, прокутить, прожечь все – напоследях? Прожить?... Нет ему жизни, жизнь – прошла. Все надоело, машина испортилась, – нога, – вот!.. Да, кому попало завещать, зря, без толку... Только бы не им!.. Ну, на какие-нибудь приюты, на монастыри, на колокола, – как покойница бабушка Марья Антоновна (двадцать тысяч на колокола завещала!). Или вот взять да и раздать все при жизни „людям-братьям“, как вот этот прохвост-сочинитель совету-ет!..»

Василий Сергеевич, кряхтя, поднял с полу книгу, уселся, привел ее в порядок и опять стал ее рассеянно перелистывать.

«Чушь, гиль, дичь, утопия все... А ведь верит, дурак несчастный, – видно, что верит в свои измышления и проповеди, любитесь своим юродивым героем... Утешился, смысл жизни нашел, Америку открыл!.. А что бы сказала моя Юлия Сергеевна, если бы ее „vieux saligaud, vieux cochon de frère“ взял, да и уверовал в какия-нибудь такие бредни? И зажил бы на закате дней печальных „новою жизнью“, „по-Божьи“?.. Подарил бы, например, всю землю села Изметьева (Моховое-Болото то ж) братцам-пахарям; а деньги все, – все до копейки, здешней голи кабацкой, босой команде по рукам рас-

совал. Ха-ха-ха! Да так бы подогнать, чтобы Юленьке меня на свой счет хоронить пришлось. А идиоту ее косноязычно-му чтобы ни шиша не досталось, ни шиша!...»

Человеколюбивые мечты Василия Сергеевича были прерваны сильным звонком.

«Кто бы это такой? Доктор – вчера был... Разве баронское отродье за праздничными... Или Юленька: „Мы бал даем, – на мороженое не хватило...“»

В кабинет вошел барон Борис Анатольевич Кетлер, тот самый племянник, которого дядя в мечтах своих только-что величал идиотом, – белобрысый, тщедушный, прыщавый юноша, с большим кадыком на неимоверно длинной шее, с головой фунтом, одетый и причесанный безобразно модно.

Аа! это ты, наследник!.. Здравствуй, наследник!..

Что же ты, – к ручке, к ручке подойди, как мама учила! На помине легок, братец; я все утро о тебе думал! – с хохотом приветствовал его дядя.

Борис подошел к ручке.

– Mon oncle... Маман п-п-присага... п-п-призгага... вас... п-п-п-поздравить... И поже-г-гать... пожегать хогошо-го Гожества... И маман вас ум-м-огает п-п-п-ги-ехать к нам на Gué-Guéveillon... на ёрку.

Борис Анатольевич заикался, картавил и с трудом переводил свои фразы с французского и английского языков, которые у него в голове путались.

Дядя с особенным злорадным наслаждением вслушивал-

ся в косноязычную речь наследника.

– С-е-е-егодня в девять часов тамап в-вам свою ка-г-ггету пришгет... и наш г-г-г-грум... ч-человек... Виктог... в-вас... п-п-пговодит.

– Скажи, голубчик, своей маменьке, что и я ей желаю «хорошего Рождества». Ха-ха-ха!.. А на «Ruveillon» ваш не поеду, хоть бы она за мной две кареты «прис-гага»! Скажи ей: плох наш старик, il sent le sapin, le vieux saligaud... Il va étaindre son gaz... Так ведь вы про меня говорите en petit comité?..

Борис сконфузился и покраснел. Маман, поручая ему съездить к старику и перехватить у него рублей 200–300, именно так и называла его – «Ce vieux saligaud».

– Маман б-б-будет с-с-совсем в отча-ча-чаяньи... – пробормотал юноша. – И еще... тамап... п-п-пгосига... пгосига...

– Денег, что ли, голубчик? – притворно-ласково перебил старик и со своей обычной ехидной улыбочкой прибавил: – Скажи тамап, что у вашего «vieux cochon» совсем, совсем нет денег... Я даже у Юленьки сам занять хотел до Нового года... Из ума выживаю, cher, разучился концы с концами сводить... Зарвался, разорился... Ха-ха-ха!.. Вот картину себе купил по случаю... 500 р. дал. Вот там, над тахтой, налево... C'est pour rien!.. Не правда ли?.. Портному – за новый халат... Вам с тамап хорошо – у вас кредит есть... А вот я – за все плачу, mon cher, за все... Эту вазочку – тоже купил...

Это вместо «ёгтки» – мне... Ха-ха-ха! Да! Так скажи татап, пусть не гневается... Скоро *все* – ваше будет, скоро!

Когда юный барон укатил на лихаче, старик встал и довольно бодро заковылял по кабинету, продолжая смеяться и злиться:

«Экая мерзкая рожа!.. Наследник 5000 десятин русского чернозему, да еще в полтора аршина толщиной... Хорош!.. Не могу переварить мысли, что этому недоноску косноязычному все достанется... Право, уж лучше возьму да и завещаю все, как бабушка Марья Степановна, – на колокола! Пускай звонят!.. А то, вот, как князь в этом романе, благотворительностью займусь, роду человеческому, „людям-братьям“ служить стану?.. Мне теперь легко жить „по-Божьи“, когда аппетит пропал... А почем знать? Может-быть, в этом житье и есть какая-нибудь сласть? Может, это весело людям-братьям служить?.. Экая тоска!.. слова сказать не с кем!.. Книжка эта дурацкая!»

Он крикнул:

– Мина Карловна! А, Мина Карловна! Поди-ка сюда!

Экономка вошла сердитая.

– Что вам? Говорите скорей – у меня там прачка белье подала.

– Скажи мне, Минхен, – только не ври... Делала ты когда-нибудь добрые дела? А?.. Весело это тебе было? Скажи?..

– Ах, вы все с глупостями, Василь Сергеич! – обиделась немка и хотела уйти. – Праздник у человека, целый полный

рот занятий, а вы все мешаете со своими капризами.

Василий Сергеевич удержал ее за руку:

– Стой! Ни с места! А то праздничные отниму за неблагодарность!.. Отвечай: делала ли ты когда-нибудь добрые дела? Рассказывай, делала?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.